

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-316-328

EDN: TAGWWW

Советский человек как умозрительная конструкция и жизненная практика (из истории межнациональных отношений в Акмолинске)*

Н.С. Кирабаев¹, Ж.С. Беисова²

¹Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Национальный музей Республики Казахстан,
просп. Тауелсыздык, 54, Астана, 010000, Казахстан

(e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru; zhanna_10@mai.ru)

Аннотация. В статье концепция «новой исторической общности — советский народ» рассмотрена как теоретическая конструкция и как жизненная практика. Анализируются понятия «советский человек», «нация», «национальность», отмечается, что ни одно определение этих понятий не получило всеобщего признания. Рассматриваются «западные» и «восточные» подходы к пониманию нации. Отмечается, что если в западной исследовательской традиции доминирует прогрессистский подход, считающий нацию феноменом Нового и Новейшего времени, то восточная традиция придерживается скорее полицетрического подхода, т.е. понимает нацию как этническую общность, определяющую народную культуру, народный характер и народный дух. Подчеркивается, что необходимо рассматривать все перечисленные понятия в единой системе, т.е. советский народ выступает как интернациональная общность, в которой не исчезают национальные различия. Если народ трактуется как политический проект, то мы имеем дело с идеологиями. Понимание советского народа как дискурсивного образования дает представление о гражданской или этнической национальной идентичности, как культурного феномена, основанного на родном языке и моральных ценностях, — позволяет говорить о национальной культуре или душе народа как проявлениях этносолидарности. Примеры из истории некогда могущественного государства СССР показывают, что формирование советского народа как нации было связано с единой территорией и общей исторической судьбой. Как жизненную практику (на примере культуры провинциальных городов типа Акмолинска в Республике Казахстан накануне Великой Отечественной войны) можно представить культуру советского народа, объединенного общей исторической судьбой. Советский народ как историческая общность формировался на основе множества этнических образований, национальных культур и конфессий, что позволяет говорить о нации как системном феномене, а не только как о политической конструкции. Причем советский народ был объединен

*© Кирабаев Н.С., Беисова Ж.С., 2023

Статья поступила 07.01.2023 г. Статья принята к публикации 21.04.2023 г.

общими целями и задачами политического и культурного характера, которые, как показала история Советского Союза, имели как солидаризирующий, так и конфликтогенный потенциал.

Ключевые слова: советский народ; нация; национальность; «воображаемое сообщество»; межнациональные отношения; национальная культура; этнический конфликт; межнациональная солидарность; дружба народов

30 декабря 1922 был образован Советский Союз. Прошло почти три десятилетия с того момента, как этой страны не стало. В мировой истории Советский Союз остался государством, которое потрясло мир, изменило облик планеты, повлияло на современный миропорядок и России. Для понимания того, что есть многонациональный народ — россияне, поскольку правопреемником СССР стала Российская Федерация, важно изучать опыт государственного строительства СССР, развития советской культуры и культур народов СССР, формирование советской идентичности и советского народа как новой исторической общности.

Распад СССР и образование независимых государств на постсоветском пространстве, распад Югославии и образование независимых государств Хорватии, Черногории, Македонии, Сербии, Боснии и Герцеговины, а также ряд других примеров показывают, что сегодня остро стоит вопрос о таком явлении, как национальная идентичность — об определении понятий «народ» и «нация» которые могут рассматриваться и как умозрительные идеи или конструкции, и как жизненные практики, представляющее собой дискурсивную множественность в национально-государственном строительстве и развитии социокультурного своеобразия. Противоречия между абстрактными и универсальными характеристиками народа как политического феномена и как эмпирической данности говорят о необходимости понятийной ясности и прозрачности, а также о важности учета практической взаимосвязи с понятиями нации, национальности и национализма. Например, в результате политики США и европейских государств в странах Азии, Африки и Латинской Америки волны эмиграции из этих регионов за последние двадцать лет захлестнули страны коллективного Запада, в результате Европа встала перед выбором своей идентичности и национальной политики, в частности, после выхода из ЕС Великобритании. Идеологическая риторика о национализме зачастую мистифицирует природу «народа», особенно на локальном уровне, где народ и национальная идентичность определяются в первую очередь как политическая конструкция.

Понятие «народ», как правило, подразумевает социальную, государственную и этническую общности. Если в государственной общности народ может быть национально однородным и разнородным, то народ как этническая общность — это племя, народность, нация. Народ как социальная общность предполагает, что его определение зависит от конкретных соци-

ально-исторических условий. Если для становления гражданской нации в США потребовалось более 200 лет естественно-исторического развития, то в СССР — 50. В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» отмечалось, что «за годы строительства социализма и коммунизма в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ» [15. С. 356]. При этом понятие «советский народ» полностью соответствовало совокупности признаков в сталинском определении нации — историчность, устойчивость, общность языка и территории, экономические связи, общность духовного облика в культуре [19. С. 296–297].

Таким образом, советский народ — это социально-политическая общность, субъект исторического действия, нечто целое, которое нельзя свести к совокупности его характеристик. Советский народ — это сумма наций и народностей, т.е. интернациональная общность, в которой не исчезают национальные различия. В западной социально-философской и политической традиции нация рассматривается как феномен Нового и Новейшего времени. Появление наций как исторического феномена связывается с образованием «национальных государств», формированием капиталистических отношений и появлением буржуазии (прогрессистский подход: род — племя — этнос — нация). Именно в этом понимании категория «нация» используется в системе международного права.

В основе так называемой «восточной традиции» лежит полицентристский подход, в рамках которого приоритетное внимание уделяется этнической природе нации, определяющей народный характер и народную культуру [7. С. 275]. В целом этот подход лежит в основе и примордиалистской, или перенниалистской, трактовки нации [14. С. 95].

В международном праве нация равнозначна национальному государству, поэтому в европейской традиции нация означает гражданство конкретной страны, т.е. речь идет о гражданской нации и народе. Понятие «нация» созвучно понятию «национальность», но по содержанию они различны. В документах ООН нация — феномен гражданского общества. Б. Андерсон в рамках конструктивистского подхода ввел трактовку нации как «воображаемого сообщества»: «воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [2. С. 30]. Антоним — невоображаемое сообщество, или сообщество повседневного общения (деревня, приход, сельская община).

Для понимания национальной идентичности и ее влияния на жизненные практики недостаточно политической трактовки нации — важно рассматривать нацию как социокультурное понятие, и тогда можно говорить о национальности. Например, когда речь идет о национальных спортивных командах или спорте в целом болельщикам нет никакого дела до политики или государственной власти. К. Калхун считает, что основные характеристики нации следует рассматривать в системе: «границы территории, население

или то и другое; неделимость — представление о целостности нации; суверенитет или по крайней мере стремление к суверенитету; ...идея о том, что правление является справедливым только тогда, когда оно опирается на волю народа или по крайней мере служит интересам “народа” или “нации”; участие народа в коллективных делах; ...прямое членство, когда каждый индивид считает себя непосредственной частью нации; ...культура, включая сочтения языка, общих убеждений и ценностей, освященных обычаем практик; глубина во времени — представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей; общее происхождение или расовые черты; особая историческая или даже сакральная связь с определенной территорией» [13. С. 30–31].

Для Калхуна понятие нации многозначно и многослойно — это и народ, и национальность, и этнос, и принадлежность к одной расе. Представляется, что определение нации всегда будет неполным, поскольку это некая умозрительная конструкция, «идеальный тип» [13. С. 180]. В рамках инструменталистского подхода Э. Геллнер отмечал, что нации складываются в процессе возникновения индустриальных обществ, образование наций — прямой результат модернизации, перехода от традиционного аграрного общества к обществу индустриальному и постиндустриальному [6. С. 19]. В свою очередь, национализм — это политический принцип, согласно которому «культурное сходство (принадлежность к одной культуре) есть основа социальных связей» [6. С. 10], т.е. о политическом образовании можно говорить при наличии круга людей одной культуры. В индустриальном обществе необходимыми и достаточными условиями возникновения нации выступают высокая степень развития культуры и ее доступность широким слоям, что порождает культурное единообразие и даже единый культурный стандарт, а для развития экономики и народнохозяйственных связей нужна развитая социальная мобильность. Таким образом, речь идет о политике и идеологии, которые определяют ценность нации как высшей формы единства и главной идеи государственного строительства, как национально-государственного образования. «Национализм возникает в государствах с “титульной” нацией, при этом переход к нему для каждого государства индивидуален» [6. С. 27], однако в целом нация обеспечивает психические и социальные связи человека на новом уровне, соответствующем глобальному размаху повседневной жизни индустриального/постиндустриального общества.

Исходя из идеи народа как идентичности, на основе которой формируется общность по чувству принадлежности к государству, советский народ — это гражданская или политическая нация, т.е. политико-идеологический конструкт советского государства. Вместе с тем советский народ — это чувство общности не только по государству, но и по единой исторической судьбе, территории, культуре, ценностям и самосознанию. Советский многонациональный народ стал той универсалией, в рамках которой сосуществовали

формально-юридически равноправные народы-нации, т.е. люди, говорящие на одном языке, имеющие единую историческую память, культуру, свои обычаи, верования, традиции и систему хозяйственного устройства и жившие на одной территории на протяжении многих веков. Советский народ имел и общую культуру — единые духовные скрепы в условиях национально-многообразия, где русский язык стал языком межкультурного общения. Важно отметить и ценности, которые сформировали советское самосознание, — чувство солидарности и патриотизма, чему способствовала советская система государственного устройства по национально-территориальному принципу.

Таким образом, советский народ — это национально-государственная идентичность (особый вид коллективной идентичности), включающая в себя представления о единых культурных и политико-правовых ценностях, общую память о прошлом, образ государства, национальную идею и гражданственность [12. С. 620–621]. В совокупности эти характеристики выступают идеологическим интегрирующим фактором, определяющим идентичность, проявлением которой выступает нравственно-политический принцип патриотизма.

Структурно понятие «советский народ» как национально-государственная идентичность состоит из двух уровней — надэтнического и регионально-этнического, что обусловлено главным образом территориальным устройством советского государства как федерации. Процесс формирования «советского народа» как национально-государственной идентичности был достаточно противоречивым: в социальной истории Советского Союза были примеры раскулачивания и ссылок, депортации целых народов, дискриминации по этническому и социально-классовому признакам.

Следует помнить, что идея, понятие или теория наций как идеальная конструкция наполняется содержанием множества жизненных практик. Современные страны Европы (в большинстве патерналистские государства), столкнувшись с массовой миграцией из Африки, Ближнего и Среднего Востока, вынуждены, с одной стороны, принимать меры по сохранению национального языка, культуры и традиций, что, например, приводит к отказу принимать мигрантов, с другой стороны, вводить жесткие и фактически принудительные механизмы интеграции или даже ассимиляции мигрантов. В данном случае мы видим совпадение политического и национального, и тогда патриотизм и шовинизм можно рассматривать как социальные проявления солидарности, в основе которых лежит идея нации как этнокультурного феномена. Еще десять лет назад руководители ФРГ, Великобритании и Франции были вынуждены констатировать, что политика мультикультурализма фактически провалилась. И хотя нации классифицируются как моноэтнические и полиэтнические, наличие государствообразующих наций даже в полиэтнических государствах говорит о реальном патернализ-

ме многих европейских государств. Например, Т. Сарацин подчеркивает особое значение национального немецкого самосознания как выражающего дух немецкого народа и утверждает, что мигранты-мусульмане даже во втором и третьем поколениях в большинстве своем не будут интегрироваться в немецкое общество [18. С. 274].

Национальность в недавнем прошлом определялась как этническая общность, один из элементов более широкого понятия «нация». В ряде стран национальность стала критерием гражданства: например, гражданами Республики Казахстан могут быть лица, родившиеся на территории страны, в том числе этнические казахи. Источник этнической связи людей — общность исторических, культурных, религиозных, языковых, социальных и психических характеристик, а также природных условий жизни, приводящих к дифференциации этнических образований. Понимание нации как политического образования невозможно без соотнесения с понятиями «национальность» или «этнонациональность». Если нация выступает как политический проект, то мы получаем патриотизм или национализм/шовинизм, если нация рассматривается как дискурс — то представление о национальной идентичности, гражданской или этнической, если нация считается культурным феноменом, основанным на родном языке и моральных ценностях, — национальную культуру/дух/душу как выражение этносолидарности (путь к сотрудничеству — дружба народов и толерантность, в противном случае — изоляционизм).

Следует отметить, что нации включают различные субкультуры — языковые, этнические, географические и социальные, представляют собой многообразие культурных и социо-природных признаков, отличающих конкретные этнические образования. Видимо, поэтому Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое сообщество», которое формируется и развивается благодаря воображению его представителей, силой их «братских чувств». А на основе чего формируются эти братские чувства? Видимо, на основе общей исторической судьбы. Именно как жизненную практику можно рассмотреть культуру провинциальных городов типа Акмолинска в Республике Казахстан накануне Великой Отечественной войны — это не просто абстрактное «воображаемое сообщество», а культура народа, объединенного общей исторической судьбой: советский народ как новая общность формировался на основе множества национальных культур и конфессий.

В истории города Акмолинск в 1920-е — 1930-е годы наблюдался массовый приток новых жителей в результате разных исторических событий: депортации и ссылок раскулаченных и политически неблагонадежных, эвакуации и переселения из сельских районов, образовательной миграции в города. В итоге за указанный период в Акмолинск прибыло столько же людей, сколько в нем проживало ранее. Среди них были уже сложившиеся этнонациональные образования — русские, украинцы, белорусы, латыши и др., номинально имевшие свои территориально-государственные образо-

вания в рамках СССР (социалистические республики и автономные национальные образования и округа в республиках), а также много народностей, не имевших подобного статуса.

Межнациональные отношения — это особый вид общественных отношений, складывающийся между национально и социально обособленными, но политически и исторически связанными группами, объединенными общими целями и задачами политического и культурного характера, которые могут иметь как солидарный, так и конфликтный характер. Предшественником такого типа взаимоотношений была исторически сложившаяся многонациональность российского общества, обусловленная обширной территорией, общей исторической судьбой огромного количества народов, устойчивыми экономическими связями между народами, исповедующими разные религии.

«Всесоюзная перепись населения 1926 года зафиксировала крупные изменения в численности состава населения Казахстана, которые произошли после Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, новой экономической политики и т.д., в особенности после проведения земельно-водной реформы и передела сенокосных и пахотных земель, а также проходившего восстановления народного хозяйства, разрушенного в ходе первой мировой войны 1914–1918 гг., а также гражданской войны 1918–1920 гг., значительные результаты которого положительного сказались на росте численности и укреплении состава населения Казахстана к 1926 году за счет естественного прироста местного населения и в основном неорганизованного притока мигрантов из русского и украинского крестьянства, рабочих и ремесленников из внутренних губерний России, а также Средней Азии. Согласно переписи населения 1926 года в Акмолинской губернии был 1211379 жителей, в том числе казахов 430804 (35,56 %), русских — 394114 (32,53 %), украинцев — 321338 (25,78 %), узбеков — 344, каракалпаков — 119, татар — 18198, остальных — 55462. В Акмолинском уезде проживало — 292349 человек» [5. С. 187–190]. Население Акмолинска вошло в состав молодого советского государства, когда оно еще не в полной мере определило политику в области межнациональных отношений.

Становление и укрепление советской власти в Казахстане было связано с окончанием гражданской войны в Северном Казахстане, уничтожением Омской республики Колчака и разгромом войск атамана Дутова. Город Акмолинск стал для многих сравнительно «тихой гаванью», чем, видимо, можно объяснить столь большой прирост населения города к 1929 году. А затем начинаются годы коллективизации и годы великого джута — когда резко сократилось население республики.

Анализ архивных документов и материалов переписей 1937 и 1939 годов показывает, что казахский этнос понес тяжелые потери. По данным Комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан, по при-

чине голода и связанных с ним эпидемий, а также постоянно высокого уровня естественной смертности казахский народ потерял 2,2 млн человек, или 49 % населения (по другим подсчетам — 2,5 млн [1. С. 16]). Согласно материалам Всесоюзной переписи 1939 года в Акмолинской губернии проживало 485500 жителей, 15 % всех казахов Республики было сосредоточено в Южно-Казахстанской области, затем по мере уменьшения численности шли Алматинская (10,2 %), Западно-Казахстанская (8,9 %), Кзылординская (8,6 %), Гурьевская (7,9 %), Актюбинская (7,9 %), Жамбылская (6,4 %), Карагандинская и Семипалатинская области (по 5,9 %), Акмолинская (5,2 %), Кустанайская и Восточно-Казахстанская (по 5 %), Северо-Казахстанская (4,6 %) и Павлодарская (4,3 %) области [16. Л. 13].

В 1930-е годы уже можно говорить о национальной политике молодого советского государства и о межнациональных отношениях нового типа. Конечно, наблюдались и перегибы национальной политики: как во всяком имперском социальном образовании, в СССР проводилась русификация всех сфер общественной жизни, прежде всего образования. Согласно статистическим данным в довоенный период в Акмолинске была практически ликвидирована неграмотность [9. Л. 7–9]. В Акмолинском округе было 23 школы, 9 изб-читален, 9 красных уголков, 50 культурных учреждений. На 300000 населения Акмолинска было 3 русских школы и 1 казахская. Все записи актов гражданского состояния велись на русском. Во многом были русифицированы казахские имена и фамилии, что способствовало переводу латинской орфографии казахского языка на кириллицу. Были нарушены вековые национальные традиции образования имен и фамилий. Трагические события сталинского правления также затронули город — достаточно вспомнить АЛЖИР (Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины) в Малиновке близ Акмолинска. Тем не менее, в довоенный период в Акмолинске не было серьезных этнических конфликтов.

Очередным «вызовом истории» для Акмолинска стала Великая Отечественная война. До ее начала в городе проживало 32,5 тысяч человек, работало 6 промышленных предприятий — 3 республиканского значения, 3 местного и кооператив (число работающих на предприятиях составляло 801 тысячу [3. С. 65]. В годы войны росла экономика города и число производственных предприятий. Перестройка промышленности на военный лад, передислокация крупных производств, огромный поток эвакуированных — все это сказалось на экономике: число промышленных предприятий возросло в 2,5 раза, появились заводы союзного значения — «Казахсельмаш» и № 317. В 1944 году на 16 предприятиях трудилось 2800 человек. В 1941 году в Акмолинск был эвакуирован насосный завод из Мелитополя, в 1942 году — Мичуринский завод поршневых колец [11. С. 61].

Еще до войны, с образованием Акмолинской области с центром в Акмолинске и строительством в 1939 году железнодорожной ветки

Акмолинск — Карталы, город превратился в крупный транспортный узел. Значительно возросла пропускная способность Акмолинского железнодорожного узла — за счет строительства новых путей и переоснащения паровозного парка. За короткий отрезок времени (с 15 тысяч в 1915 году до 32 тысяч в 1940 году) значительно возросли темпы и масштабы строительства [20. С. 57].

Когда началась война, в городе были созданы военные формирования, 14723 жителей Акмолинска ушли на фронт: половина погибла, 41 акмолинец был удостоен звания Героя Советского Союза, 7 награждены Орденами Славы трех степеней [3. С. 63]. С начала войны городские власти принимали и размещали в городе воинские формирования, готовили сводки о наличии мужчин призывного возраста. К 1945 году практически все взрослое население (более 10 тысяч человек) Акмолинска прошло подготовку к противовоздушной и противохимической обороне, а мужчины призывного возраста — обязательное военное обучение. В городе был создан штаб ПВО и подготовлены группы самозащиты, военному делу было обучено 9172 человека [8].

В эти же годы советская власть в рамках политики недоверия к малым народам и народностям провела депортации из прифронтовых районов: из Поволжья в Акмолинск были насильно депортированы немцы, из районов Дальнего Востока — корейцы, с территории Северного Кавказа — ингуши и чеченцы. В результате население города за 8 лет (с 1940 по 1948) увеличилось с 32 до 76 тысяч человек. Акмолинский горком партии и исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся занимались трудовым и хозяйственно-бытовым устройством спецпереселенцев, регламентировали призыв в армию, распределяли скот и выдавали пособия, открывали для переселенцев образовательные и культурные учреждения. Отдельно решался вопрос об эвакуированных с оккупированных территорий СССР. Понятно, что это требовало от властей серьезных организационных и экономических усилий [11. С. 57].

Более 6 тысяч акмолинцев были мобилизованы в трудовую армию для работы в военных предприятиях [3. С. 66]. Акмолинцы собирали средства в фонд обороны страны: на строительство танковой колонны и авиационной эскадрильи было собрано 3,7 млн рублей, денежной лотереи реализовано на 5,7 млн рублей, на фронт шли посылки с продуктами и теплыми вещами [17. С. 29].

В постсоветский период стало модным очернительство советской истории, которое порой принимало гротескный характер: якобы не было подвигов Зои Космодемьянской и 28 гвардейцев-панфиловцев (знаменитая панфиловская дивизия была укомплектована и казахстанцами). Кстати, о том, что последний подвиг был, говорит факт его огромного идеологического воздействия: знаменитые кубинские революционеры Че Гевара и Фидель Кастро

узнали о нем из книги А. Бека «Волоколамское шоссе» и во время визита в СССР познакомились с героем книги Б. Момышулы — в 1963 году в городе Алма-Ата. А вот свидетельство очевидца военных лет, К.М. Сатыбалдиной, которая родилась в Акмолинске за полгода до начала войны: «Во время войны в Акмолинск были эвакуированы чеченцы и ингуши, евреи из Одессы, монашки из Прибалтики. В моей судьбе пожилая супружеская пара из Одессы, которой отдали одну из комнат нашего дома, сыграла роль спасителей... спасла меня с двоюродной сестренкой от дизентерии... красным стрептоцидом... Монашки, которые держали коз, приносили нам, маленьким детям, козьё молоко» [4. С. 58]. И таких примеров можно привести великое множество: простые люди разных национальностей вместе трудились на благо фронта, собирали деньги на танковые колонны, ждали мужей, отцов и братьев, поддерживая их своей верой в победу над общим врагом.

Иными словами, ведущим фактором, определяющим межнациональные отношения, является «историческая судьба». По сути, это ответ на «исторические вызовы», которые выпадают на долю участников межнационального общения. Нация как умозрительная конструкция предельна многообразна и противоречива тогда, когда наполняется содержательной множественностью жизненных практик, обусловленных в конечном счете культурными традициями и этнонациональностью. Новые исторические общности, объединенные единой территорией и солидарные в решении государственных задач, за последние три столетия сформировались во множестве. В СССР именно в годы Второй мировой войны советский народ был объединен общей целью: война воспринималась как общая беда, и народ спланивался в стремлении победить врага. Несмотря на негативное отношение депортированных к центральной власти и тяготы военных лет, простые люди находили общий язык и помогали друг другу. Победа стала подвигом советского народа, объединенного национально-государственной и этнической солидарностью, что позволяет говорить о единстве духовных и нравственных ценностей, лежащих в основе взаимоотношений разных народов СССР.

Библиографический список

1. *Аимбетов С.* 1926–1939 жылдар аралығындағы Қазақстан халқының этно-демографиялық және әлеуметтік құрылымындағы өзгерістер. Тарихғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған авторефереты. Алматы, 1998.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
3. Астана. Книга-альбом. Астана, 2012.
4. Бауыржан Момышұлы тұлғасы: елдік пен ерлік құндылығы // Сборник материалов международной научной конференции. Астана, 2010.
5. *Галиев А.Б., Асылбеков М.Х.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). Алма-Ата, 1991.
6. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

7. *Гирц К.* После революции: судьба национализма в новых государствах // Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
8. Государственный архив города Астаны. Ф. 362. Оп. 5. Д. 51.
9. Государственный архив города Астаны. Ф. 098. Оп. 1. Д. 4; Д. 7; Д. 30.
10. *Дубицкий А.Ф.* Акмола — город славный. Акмолинск, 1959.
11. Историко-культурное наследие Астаны: свод памятников. Астана, 2011.
12. *Калтахчян С.Т.* Советский народ // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983.
13. *Калхун К.* Национализм. М., 2006.
14. *Колосов В.А.* «Примордиализм» и современное национально-государственное строительство // *Политические исследования*. 1998. № 3.
15. Об идеологической работе КПСС. М., 1977.
16. Российский государственный архив экономики. Ф. 1652. Оп. 336. Д. 264.
17. *Рустемов Б.* Астана — гордость и символ обновленного Казахстана. Астана, 2008.
18. *Саррацин Т.* Германия: самоликвидация. М., 2012.
19. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946.
20. *Чуканаев А.Н.* Астана — архитектурная симфония Великой степи. Астана, 2008.
21. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Blackwell, 2005.
22. *Hastings A.* The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.
23. *Trotsky I.* Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war? // *Russian Sociological Review*. 2015. Vol. 14. № 4.
24. *Trotsky I.V.* Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. № 2.
25. *Walker C.* Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-316-328

EDN: TAGWWM

Soviet man as a construct and a practice (from the history of interethnic relations in Akmolinsk)*

N.S. Kirabaev¹, J.S. Beisova²

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²National Museum of the Republic of Kazakhstan,

Tauelsyzdyk Prosp., 54, Astana, 010000, Kazakhstan

(e-mail: kirabaev-ns@rudn.ru; zhanna_10@mai.ru)

Abstract. The article considers the concept of “a new historical community — the Soviet people” as a theoretical construction and a life practice. The authors analyze the terms “Soviet people”, “nation”, “nationality”, stressing that they have not received a universal definition; and distinguish ‘Western’ and ‘Eastern’ approaches to interpreting ‘nation’. In the Western tradition, the progressive approach prevails and defines nation as a phenomenon of the Modern and Postmodern eras; while the Eastern tradition adheres to a more polycentric approach, i.e., defines

*© N.S. Kirabaev, J.S. Beisova, 2023

The article was submitted on 07.01.2023. The article was accepted on 21.04.2023.

nation as an ethnic community based on the national culture, national character and national spirit. The authors emphasize the need to consider all the above-mentioned terms in a single system, i.e., the Soviet people were an international community with clear national differences. If the people are interpreted as a political project, we get ideologies; if the Soviet people are interpreted as a discursive formation, we get the idea of the civil or ethnic national identity as a cultural phenomenon based on the native language and moral values, which allows to talk about national culture or national soul as manifestations of ethnic solidarity. Examples from the history of the once powerful USSR show that the formation of the Soviet people as a nation was based on the single territory and common historical destiny. Thus, the authors consider as a life practice (on the example of the culture of the provincial city Akmolinsk in the Republic of Kazakhstan on the eve of the Great Patriotic War) the culture of the Soviet people united by the common historical destiny. The Soviet people as a historical community consisted of many ethnic communities, national cultures and confessions, which allows to define nation as a systemic phenomenon rather than as a political structure. Moreover, the Soviet people were united by common goals of a political and cultural nature, which, as the history of the Soviet Union showed, had both solidarity and conflict potential.

Key words: Soviet people; nation; nationality; “imagined community”; interethnic relations; national culture; ethnic conflict; interethnic solidarity; peoples’ friendship

References

1. Aimbetov S. 1926–1939 zhyldar aralygyndagy Kazakhstan khalkynyny ethno-demographylyk zhane aleumettik kurylymyndagy ozgerister [Ethno-Demographic Study of the Population of Kazakhstan in 1926–1939]. Tarikhgylymdarynyn candidates gylymi dorezhesin alu ushin dayyndalghan abstracts. Almaty; 1998. (In Kazakh).
2. Anderson B. *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni-nii natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow; 2001. (In Russ.).
3. Astana. Kniga-albom [Astana. Album]. Astana; 2012. (In Russ.).
4. Bauyrzhan Momysheuly tylgasy: yeldik pen yerlik kandylygy [Personality of Bauyrzhan Momysheuly: Love for motherland and heroism]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Astana; 2010. (In Kazakh).
5. Galiev A.B., Asylbekov M.Kh. *Sotsialno-demograficheskie protsessy v Kazakhstane (1917–1980 gg.)* [Social-Demographic Processes in Kazakhstan]. Alma-Ata; 1991. (In Russ./)
6. Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow; 1991. (In Russ.).
7. Geertz C. Posle revolyutsii: sudba natsionalizma v novykh gosudarstvakh [After the revolution: The fate of nationalism in the new states]. Geertz C. *Interpretatsiya kultur*. Moscow; 2004. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv goroda Astany [State Archive of the City of Astana]. F. 362. Op. 5. D. 51. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyy arkhiv goroda Astany [State Archive of the City of Astana]. F. 098. Op. 1. D. 4; D. 7; D. 30. (In Russ.).
10. Dubitsky A.F. *Akmola — gorod slavy* [Akmola — a Wonderful City]. Akmolinsk; 1959. (In Russ.).
11. *Istoriko-kulturnoe nasledie Astany: svod pamyatnikov* [Historical-Cultural Heritage of Astana: Monuments]. Astana; 2011. (In Russ.).
12. Kaltakhchyan S.T. Sovetsky narod [Soviet people]. *Filosofsky entsiklopedichesky slovar*. Moscow; 1983. (In Russ.).
13. Kalkhun K. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow; 2006. (In Russ.).
14. Kolosov V.A. “Primordializm” i sovremennoye natsionalno-gosudarstvennoye stroitelstvo [“Primordialism” and modern nation-state building]. *Political Studies*. 1998; 3. (In Russ.).

15. *Ob ideologicheskoy rabote KPSS* [On the Ideological Work of the CPSU]. Moscow; 1977. (In Russ.).
16. Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy]. F. 1652. Op. 336. D. 264. (In Russ.).
17. Rustemov B. *Astana — gordost i simvol obnovlennogo Kazakhstana* [Astana — the Pride and Symbol of Renewed Kazakhstan]. Astana; 2008. (In Russ.).
18. Sarrazin Th. *Germaniya: samolikvidatsiya* [Germany Does Away with Itself]. Moscow; 2012. (In Russ.).
19. Stalin I.V. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow; 1946. (In Russ.).
20. Chikanayev A.N. *Astana — arkhitekturnaya simfoniya Velikoy stepi* [Astana — An Architectural Symphony of the Great Steppe]. Astana; 2008. (In Russ.).
21. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Blackwell; 2005.
22. Hastings A. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge; 1997.
23. Trotsuk I. Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war? *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (4).
24. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
25. Walker C. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding*. Princeton; 1994.